

7. Краткая энциклопедия символов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php> (Дата обращения 19.03.2022).
8. Кустов О. Освобождение. Лиловые топи угасших язычеств прозу [Электронный ресурс]. – URL: <https://proza.ru/2015/09/18/179> (Дата обращения 19.03.2022).
9. Пастернак Б.Л. Сестра моя – жизнь: стихотворения, роман в стихах. – Москва: Эксмо, 2012. – 640 с.
10. Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. – Ленинград: Советский писатель, 1977. – 608 с.
11. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: материалы для биографии. – Москва: Советский писатель, 1989. – 688 с.
12. Пастернак, Е.Л. "Таким я вижу облик ваш и взгляд... ". Пастернак и Ахматова [Электронный ресурс]. – URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/pasternak-takim-ya-vizhu-oblik-vashi-i-vzglyad.htm> (Дата обращения 02.04.2022).
13. Темы, перенесенные из лирики в роман «Доктор Живаго» [Электронный ресурс]. – URL: <https://studentopedia.ru/lib/temy-perenesennye-iz-liriki-v-roman-doktor-zhivago-c49.html> (Дата обращения 6.04.2022)
14. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – Москва: Астрель, 2008. – 878 с.
15. Эпштейн М.Н. Стихи и стихия. Природа в русской поэзии 18–20 вв.. – Самара: Бахрах-М, 2007. – 352 с.

Д. С. Красноходова
Казахстан, г. Павлодар,
Павлодарский педагогический университет
Научный руководитель: к.филол.н. доцент Л. Е. Токатова

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИЕМОВ ЦИТИРОВАНИЯ (ЦИТАЦИЯ, РЕМИНИСЦЕНЦИЯ, АЛЛЮЗИЯ) В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.С.ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Аннотация

Цель настоящей статьи - анализ художественных приемов цитирования в «Капитанской дочке». А. С. Пушкина. Предметом исследования - аллюзии, цитаты и реминисценции как формы интертекстуальности, их функции. Автор использует указанные приемы для того, чтобы придать тексту идейный смысл, раскрыть образ персонажей, включает в произведение историческое событие или историческую личность. В этом случае цитация применяется для усиления тематических акцентов текста. Аллюзии, используемые в романе, имеют исторический смысл. В качестве реминисценции в романе приводятся «Калмыцкая сказка» и «Бурлацкая песня», создающие профиль Емельяна Пугачева и исторический антураж.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, цитата, аллюзия, реминисценция, эпитафия.

Самая очевидная и распространенная интертекстуальная форма в литературе – цитата. В «Литературном энциклопедическом словаре» приводится следующее определение цитаты: «В художественной речи и публицистике цитата – стилистический прием употребление готового словесного образования, вошедшего в общелитературный оборот. Частный случай цитаты – крылатые слова» [1, с. 333].

В указанном значении интертекстуальность сближается с феноменом прецедентности, что, в свою очередь, понимается, как «отношение, при котором некоторый известный текст или его часть, некоторая известная носителю ситуация или имя являются основанием для намеренного использования в новом речевом произведении некоторых языковых средств, принадлежащих автору исходного текста, либо для создания аллюзий на известную (реальную или вымышленную) ситуацию, личность и т.д.» [2, с. 124].

Продуктивную типологию интертекстуальности предложил один из основателей теории интертекстуальности и интертекста Ж.Жаннетт, которую затем активно использовали в своих научных работах другие исследователи (Н.А. Фатеева, Н.С. Олизько, И.П. Смирнова и др.). Согласно этой классификации, интертекстуальные формы подразделяются на «собственно интертекстуальные, образующие конструкции «текст в тексте», паратекстуальные, метатекстуальные, гипертекстуальные, архитектстуальные. Архитекстуальность носит самый общий характер, это отношение текста и рода, к которому он принадлежит. Паратекстуальность включает предисловие, иллюстрации и т.д. Метатекстуальность носит отношение комментирования и выполняет критическую функцию. А собственно интертекстуальные элементы включают в себя цитаты, аллюзии, реминисценции» [3, с. 27].

Теория интертекстуальности во многом опирается на известные работы М. М. Бахтина, одной из центральных идей которых явилась идея диалогизма, сыгравшая, по выражению Натали Пьеге-Гро, «решающую роль в генезисе интертекстуальности» [4, с. 65]. По мнению М. М. Бахтина, «диалогическая ориентация слова – явление, свойственное всякому слову. На всех своих путях к предмету, во всех направлениях слово встречается с чужим словом и не может не вступать с ним в живое напряженное взаимодействие» [5, с. 32]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что термин «интертекстуальность» не использовался, но давая определение «чужой речи» М.М.Бахтин определяет ее как «речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» [6, с. 445].

В произведении «Капитанская дочка» А.С.Пушкин использует разные способы художественных приемов цитирования: цитаты, аллюзии, реминисценции. В романе отчетливо определяются связь «Капитанской дочки» с другими не менее известными произведениями.

Так, например, во второй главе Пушкин приводит строки из оды Дениса

Ивановича Фонвизина «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке», с которой общается к Ивану Зурину - ротмистр гусарского полка, с которым Гринёв познакомился по дороге в Белогорскую крепость, в Симбирском тракте.

И денег, и белья, и дел моих рачитель [7].

Многие изречения из «Капитанской дочки» А.С.Пушкина используются в общелитературном контексте. Подтверждая вышесказанное, приведем пример из любовной лирики М.Ю.Лермонтова «Договор»:

В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали [8].

Еще один пример. В форме крылатого словечка Зощенко М. М. использует словесный оборот А.С.Пушкина: *«А если не признала и не полюбила, то уж тут, как говорится, и сам прокурор не поможет. Советуем завить горе веревочкой и передать все забвению. Была без радости любовь, разлука будет без печали»* [9, с. 342].

Более сложная форма интертекстуальности – аллюзия. Известно, что термин «аллюзия» введен в научный оборот уже в XVI веке. Обратимся к словарю: «Аллюзия (от лат. *Allusio* - шутка, намёк), в художественной литературе, ораторской и разговорной речи одна из стилистических фигур; намек на реальный политический, исторический и литературный факт, который предполагается общеизвестным» [10, с. 215].

В науке о литературе аллюзию избегают называть тропом или фигурой. По определению Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева, аллюзия «представляет собой прием текстообразования, заключающийся в соотношении создаваемого текста с каким – либо прецедентным фактом – литературным или историческим [11, с. 132].

В тексте выявлены примеры использования аллюзий, которые делятся на три группы: 1. указания на литературных героев; 2. указание на реальное историческое лицо (Екатерина Вторая, Емельян Пугачев); 3. указания на литераторов (Александр Сумароков).

Следует отметить, что аллюзии, использованные в романе, связаны с принципом историзма и используется писателем, в основном, для создания образа Петра Гринева и Емельяна Пугачева.

На протяжении всего романа встречаются аллюзии, которые открывают трансцендентный смысл художественного текста: в главе тринадцатой, Гринев говорит: *«Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный»* [12].

Ключевая аллюзия произведения расположена в описании главного героя - Емельяна Пугачева. Она предполагает отсылку к народному восстанию, которое происходило под предводительством Емельяна Пугачева в 1773-1774 гг.

Все вышеперечисленные исследования позволяют глубже осмыслить, почему Гринев называет бунт «беспощадным»? Развитие романа дает ответ на

поставленный вопрос: «судьба бунтовщиков была плачевна, их казнили, пытали. Пугачева везли в клетке, будто какого-то зверя, а после четвертовали» [12].

Более того, обстоятельства причастности Гринева к мятежным событиям на Яике, его вовлеченность в гуцу бунта (пусть и крестьянского), последующие эпизоды связаны следственной комиссией, осуждения и заключения Гринева написаны Пушкиным таким образом, что явно продуцируют двойственную перспективу, второй план, подтекст и затекст. Так, эпизод ареста и отправки Гринева в Казань для проведения следствия композиционно организован таким образом, что отчетливо проецирует аллюзии на сравнительно недавние (актуализируемые в 1836 году) события, транспонируя выразительные детали отдаленного прошлого на современность. Со слов О.В. Богдановой [13, с. 365], передавая атмосферу и обстановку ареста, Гринев сообщает: *«Меня посадили в тележку. Со мной сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге* [12].

Очаков был взят во время русско-турецкой войны 1768 года, а во время Семилетней войны 1758 года было взятие Кистрина (Кюстина), оразившееся в произведении в одном из эпизодов в романе «Капитанская дочка», Пушкин напоминает о двух известных событиях, а также описывает комнату Миронова, подчеркивая причастность героя к военному делу: *«В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота. Пушкин напоминает о двух известных нам событиях»* [12].

Резюмируя предшествующие рассуждения, можно сказать, что автор обращается к указанным военным эпизодам, чтобы напомнить читателю об участии в них Емельяна Пугачева. Будучи не вымыслом автора, а историческим моментом, данные эпизоды выстраивают аллюзивные отношения. Следующий вопрос, которого мы коснемся, связан с реминисценцией.

Т.М. Мелгасова под реминисценцией понимает использование «чужого» измененного и неизменного текста, как поэтического так и прозаического [14].

Пушкин в романе «Капитанская дочка» переосмысливает произведение «Недоросль» Фонвизина. У Дениса Ивановича Фонвизина Митрофанушка учил урок географии, которую в тексте Митрофанушка называл «еография»:

Г-жа Простакова (Правдину). Как, батюшка, назвал ты науку-то?

Правдин. География.

Г-жа Простакова (Митрофану). Слышишь, еоргафия.

Митрофан. Да что такое! Господи боже мой! Пристали с ножом к горлу [15].

Опираясь на ассоциации, задействуя общелитературный контекст, Пушкин описывает Петрушу Гринева: *«...для меня выписана была из Москвы географическая карта. Я решил сделать из неё змея* [12].

Таким образом, Пушкин вводит «знакомые» образы, усиливая их приемом антитезы: Митрофанушка, достигнув совершеннолетия, не поступает на государственную службу, а недоросль Гринев становится офицером.

Тема милости, звучащий у Владимира Войновича в произведении «Трибунал», лежит в основе произведения Пушкина «Капитанская дочка». Известный филолог Ю. М. Лотман, писал, что у позднего Пушкина присутствует тема милости. Например: «Я приехал просить милости, а не правосудия», - говорит Марья Ивановна Екатерине» [8]. Сравним с «Трибуналом» Владимира Войновича:

Посылает он нам радости - это милость.

Посылает страдания - это милость [16].

Героини Мария Миронова из романа «Капитанская дочка» и Лариса Подоплекова из произведения «Трибунал» являются носителями милосердия.

Обратимся к тексту А.С. Пушкина: «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-все только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст» [12].

В качестве реминисценции А. С. Пушкин использует калмыцкую сказку; в ней он раскрывает сюжет об орле и вороне, тем самым сравнивая Пугачева с орлом. Сказка, включенная в исторический роман, является своеобразной философской притчей. Ворон для Пугачева имеет смысл казни/мертвечины. Важно отметить, что для Гринева не было разницы между орлом и вороном. Петр говорит о том, что он не готов питаться мертвечиной. Здесь важно обратить внимание на то, что в данной сказке также используется прием антитезы, сталкивающий взгляды Гринева и Пугачева.

Еще одна реминисценция, которая представлена в романе в качестве «чужого» текста, – бурлацкая песня: «Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

*Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,*

*А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежда православный царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной» [12].*

Бурлацкая песня является олицетворением пугачевского бунта, она демонстрирует силу власти над народом. Цель у песни, которую запели разбойники, показать дух русского народа. Для разбойников песня была близка, потому что они находили в ней отражение своей жизни.

Еще одна особенность «Капитанской дочки» - это эпитафии. Эпитафии к главам «Капитанской дочки» играют важную роль, которая функционально распределена. Так, изречение, открывая роман, наталкивает читателя на дальнейшее развитие действия в произведении: «*Береги честь смолоду*» [12]. Направляя читателя на раскрытие идеи романа, автор сокращает пословицу. Приведем апофегму в ее настоящем виде: «*Береги платье снову, а честь смолоду*» [12]. Дословное продолжение этой пословицы прозвучит от отца Гринева, когда он будет давать напутствия сыну, отправляя его в армию.

Восьмая глава открывается читателю эпитафией: «*Незванный гость хуже татарина*» [12]. Обратим внимание на то, что высказывание, которое использует Пушкин, раскрывает читателю образ Емельяна Пугачева.

Еще один вид: эпитафия раскрывает сюжет главы. В этом случае, как и в других, Пушкин очень аккуратно и тщательно подходит к выбору эпитафий. Так, к главе девятой «Разлука» писатель приводит следующий эпитафия:

*Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться
Грустно, будто бы с душой.*

Херасков [12].

Десятая глава открывается нам реминисценцией, эпитафией, которой намекает на разлуку Маши Мироновой и Петра Гринёва.

В этом случае нам представляется принципиально важным указание Б. М. Гаспарова на то, что при исследовании интертекстуальных элементов «происходит тотальная фузия смыслов, в результате которой каждый отдельный компонент вступает в такие связи, поворачивается такими сторонами, обнаруживает такие потенциальные значения и смысловые ассоциации, которых он не имел вне и до этого процесса» [17, с. 279].

Итак, в «Капитанской дочке» А.С.Пушкин акцентирует внимание на видах интертекстуальности - цитатах, аллюзиях и реминисценциях. Анализ в аспекте обозначенной темы исследования показал, что в романе «Капитанская дочка» Пушкин активно использует интертекст. Все приемы художественного цитирования классифицированы в зависимости от приемов межтекстовых связей.

Автор использует указанные приемы для того, чтобы придать тексту смысл, раскрыть образ персонажей, включает в произведение историческое событие или историческую личность. Для цитирования автором используются тексты из произведений Фонвизина, Лермонтова. В этом случае цитация применяется для усиления тематических акцентов текста. Аллюзии, используемые в романе, имеют исторический смысл. Тем самым, вырисовывая образ Петра Гринёва и Емельяна Пугачева, Пушкин придает художественному миру границы реального мира. В качестве реминисценции в романе приводится «Калмыцкая сказка» и «Бурлацкая песня», создающие профиль Емельяна Пугачева и исторический антураж.

Использованная литература

1. Гришунин А.Л. Цитата // Литературный энциклопедический словарь. - М.: Просвещение. 1987. - С. 333.
2. Новиков С.А. Явление прецедентности в языке и современная когнитивная теория / С.А. Новиков // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2013. - №10 (77). - С. 124-127.
3. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия Академия наук СССР. Серия литературы и языка. - М.: Наука, 1998. - Т.57. - С. 27.
4. Пьего-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Натали Пьего-Гро [пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова]. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. –240 с.
5. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. / М. М. Бахтин. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 1997–2012.
6. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи: сборник трудов / сост., текстолог. подготовка И. В. Пешкова; коммент. В. Л. Махлина, И. В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2000. –640 с.
7. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л.: Гос. Изд-во Художественной Литературы, 1959. - Т. 1. - С. 209-212.
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х т. Библиотека отечественной классики. -Москва: Правда, 1969. - 335 с.
9. Зощенко М. М. Личная жизнь: Рассказы и фельетоны (1932— 1946) / Собрание сочинений. — Состав, и примеч. И. Н. Сухих. — М.: Время, 2008. - С. 385-390.
10. Прохоров А.М. Аллюзия // Большая Советская энциклопедия: в 30 т. - М.: Сов. Энциклопедия, 1960. - Т.1. - С. 215.
- 11.Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. Средство речевой выразительности. М.: Наука, 2005. - 132 с.
12. Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Библиотека «Огонек». - М., «Правда», 1969.
13. Богданова О. В. Аллюзийный подтекст в романе А.С.Пушкина «Капитанская дочка». Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2019. - С. 365.
14. Мелтасова Т.М. Интертекстуальность, реминисценция и авторские

маски в романе Н.Г. Чернышевского «Повести в повести». – Саратов, 2006.

15. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в двух томах. - М.; Л.: Гос. Изд-во Художественной Литературы, 1959. - Т. 1. - С. 105-179.

16. Войнович В. Трибунал // Войнович В. Трибунал. Брачная комедия, судебная комедия и водевиль. - М.: Эксмо, 2014. - С. 5-118.

17. Гаспаров Б.М. Литературный лейтмотив. Очерки русской литературы XX века.- М.: Наука, 1994.

К. А. Любавина

Россия, г. Барнаул,

Алтайский государственный педагогический университет

Научный руководитель: к.филол.н., доцент Т.А. Богумил

ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В ШКОЛЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Е. ЧИЖОВОЙ «ВРЕМЯ ЖЕНЩИН»

Аннотация

Цель работы – рассмотреть особенности изучения системы персонажей в школе на примере романа Елены Чижовой «Время женщин». Объект исследования – методы изучения системы персонажей в школе. Предмет исследования – система образов в романе Е. Чижовой «Время женщин». В результате проделанной работы сделан вывод, что в анализируемом романе образ тоталитарной эпохи представлен с точки зрения женщин. Именно они являются хранительницами исторической памяти. Продуктивная форма работы с системой персонажей в школе – составление интеллект-карты.

Ключевые слова: персонаж, образ, интеллект-карта, мотив, гендер.

Елена Семеновна Чижова – прозаик, переводчик, эссеист. Роман «Время женщин» вызвал большой интерес у читателей, особенно после завоевания ею престижной премии «Русский букер» в 2009 г. Место действия в романе – Ленинград, время – конец 50-х–начало 60-х гг. прошлого века, а с учетом эпилога – конец 80-х, 90-е и далее. В повести рассказывается о том, как деревенская девушка Антонина, работница одного из ленинградских заводов, становится матерью-одиночкой. Она получает от завода комнату в коммунальной квартире и три ее соседки – три старухи (суровая Евдокия, легкомысленная в сравнении с ней Гликерия и образованная в сравнении с ними обеими Ариадна) берутся воспитывать, растить почти с пеленок Сюзанну/Софию [1, с. 29].

«Время женщин» – это рассуждение о женской судьбе. Вечная страдальца и вечная счастливица через свое страдание, святая грешница, мученица и Богородица – все эти ипостаси вбирают в себя героини Е. Чижовой. Три поколения женщин – старшее, среднее и младшее, пять женщин, у каждой свой путь, и в то же время он един для всех [1, с. 30].

Повествование в романе ведется от разных лиц. Произведение состоит из